

Бумага, приготовленная для призыва Карандашного духа, оказалась довольно плотной — примерно в два сложенных листа А4. Сам лист, размером чуть ли не в длину руки, был аккуратно обрезан по краям, образуя правильный семиугольник.

Семиугольник занял весь квадратный стол в комнате школьного кружка. Лист пестрел расчерченными красным и чёрным фломастерами клетками, густо исписанными всевозможными условиями. У некоторых граней уже красовались имена участников; Нань Цзин сразу заметил своё — прямо у того угла, на который указывал изящный палец Бай Гуаньиня.

Вслед за бумагой в ход пошли стулья и свечи. Заметив ссадину на ноге Нань Цзиня, Мяо Цзиньли без лишних слов схватил его за плечи и усадил на табурет.

— Давай без самодеятельности, Цзин-эр. У тебя рана на ноге ещё не затянулась, — проворчал он. — Мы сами всё устроим, а ты посиди, подлечись и готовься к игре.

С этими словами Мяо Цзиньли протянул ему бутылёк антисептика и рулон марлевого бинта, которые только что откопал, перерывая шкафы в комнате.

В этом помещении хранилось множество вещей, которые могли изредка понадобиться ученикам, да и сама комната была довольно просторной. Обычным школьникам запрещалось приходить сюда без уважительной причины во внеурочное время, однако у Бай Гуаньиня имелись свои привилегии. Благодаря блестящей успеваемости и бесчисленным наградам, которые он завоевал для школы, учителя смотрели на его вольности сквозь пальцы.

Касалось это и личной жизни. В старшей школе Сунлинь, несмотря на её частный статус, за романтическими связями учеников следили со всей строгостью. И всё же для их пары делалось исключение: Бай Гуаньинь был слишком ценным учеником, чтобы администрация решалась портить с ним отношения из-за его романа с Нань Цзином.

Покопавшись в памяти, Нань Цзин вспомнил, что они с Бай Гуаньинем частенько засиживались в этом классе. Обычно он просто сидел рядом, пока возлюбленный щёлкал олимпиадные задачки. Порой между ними случалось и что-то более интимное... Однако эти воспоминания словно подёрнулись дымкой — восстановить детали в памяти никак не получалось.

Осталось лишь смутное ощущение, заставлявшее щёки гореть, а сердце — трепетать.

Пока ребята расставляли и зажигали свечи, Нань Цзин склонил голову и принялся аккуратно обрабатывать колено ватной палочкой, смоченной в антисептике. Царапины оказались неглубокими, но кожа была содрана до крови, и при каждом прикосновении рану жгло немилосердной болью.

Нога непроизвольно вздрогнула. Стиснув зубы, Нань Цзин одним махом залил ссадины

лекарством и наскоро перемотал колено бинтом. Он как раз пытался завязать концы узлом, когда в тишине коридора послышался приглушённый топот и весёлый гул голосов. Спустя мгновение дверь класса распахнулась.

Нань Цзин, не разгибаясь, вскинул голову.

Первой вошла высокая, под метр семьдесят, девушка с затянутыми в высокий хвост волосами. Школьная форма сидела на ней безупречно, а красивое лицо казалось излишне серьёзным, суровым. Впрочем, стоило ей заметить Нань Цзиня, как её губы тронула мимолётная тёплая улыбка.

Это была Гун Фэйянь. Их дружба завязалась после одного случая на школьной спартакиаде: во время прыжков в высоту она сильно подвернула ногу, а после уроков её окружила и принялась задира́ть шайка хулиганов из соседней школы. Нань Цзин тогда заступился за неё, и с тех пор они стали неразлейвода.

Следом за ней шёл бритый налысо Юй Чанмин. Под расстёгнутым пиджаком формы у него виднелась простая холщовая рубаша. Ходили слухи, что его дядя — известный буддийский наставник, и Чанмин с малых лет воспитывался при храме как послушник-мирянин. Лишь перед старшей школой он вернулся к мирской жизни, поселился в общежитии и засел за учебники, чтобы сдать экзамены в университет.

В их компании Чанмин ближе всех общался с Мяо Цзиньли.

Затянув узел на бинте, Нань Цзин поприветствовал вошедших. Но не успел он произнести и слова, как его сердце испуганно ёкнуло: из-за спины Юй Чанмина показался высокий, статный юноша в белоснежной рубашке, украшенной изящной серебряно-золотой цепочкой-брошью. Это был... Се И.

Се И словно почувствовал на себе его взгляд и повернул голову. Его взор, глубокий и обволакивающий странной нежностью, в то же время подавлял своей невидимой мощью. Нань Цзин поспешно отвернулся, тяжело и часто задышав, пытаясь унять взбесившееся сердце.

Рядом с Се И он всегда чувствовал себя забившимся в угол зверьком, почуявшим грозного хищника: кровь стучала в висках, а тело сковывал непреодолимый страх.

Бай Гуаньинь мазнул взглядом по покрасневшему колену Нань Цзиня, а затем скользнул выше — к его лицу, на котором так отчётливо читалось смятение. На губах юноши проступила едва заметная, горькая усмешка. Он перевёл взор на Се И. Их глаза встретились в безмолвном поединке, и Бай Гуаньинь отчётливо ощутил исходящую от соперника ауру непреклонной, подавляющей воли.

«Этот Се И...»

Редко когда Бай Гуаньинь испытывал раздражение, но сейчас он недовольно нахмурился. Скрывая свои чувства, он опустил ресницы и зажёл последнюю свечу.

Юй Чанмин молитвенно сложил ладони — привычка, оставшаяся после долгих лет в монастыре, никак его не покидала. Неторопливо, размеренно он произнёс:

— Это мой новый знакомый, его зовут Се И. Он тоже не прочь присоединиться к нашей игре.

Мяо Цзиньли, совершенно не заметив повисшего в воздухе напряжения, обрадовался:

— Милости просим! А я-то думал, нам придётся соображать на шестерых. Кстати, а где Нань Хунсюань? Он же громче всех кричал, что пойдёт с нами?

— И слава богу, что его нет, — отрезала Гун Фэйянь, занимая своё место у одного из углов стола. — Если бы Бай Гуаньинь не предупредил, что присутствие кровных родственников обостряет связь с потусторонним, я бы его на порог не пустила. Он, кажется, ушёл в общежитие переодеваться. Скоро притащится, никуда не денется.

Словно в подтверждение её слов, дверь снова скрипнула. На пороге возник Нань Хунсюань. На этот раз он послушно облачился в школьную форму, хотя по его безупречно уложенным волосам было видно, сколько времени он провел перед зеркалом. Завидев Бай Гуаньиня, он просиял, словно начищенный медный таз, и, судорожно сглотнув, заискивающе спросил:

— Ну что, заждались меня?

Мяо Цзиньли, чей взрывной темперамент не терпел подобного заискивания, лишь раздражённо закатил глаза:

— Много чести. С чего ты взял, что мы вообще о тебе думали?

Лицо Нань Хунсюаня на миг исказила неловкая гримаса, но он быстро справился с собой. Его взгляд вновь прикипел к Бай Гуаньиню. В глубине его глаз вспыхнул странный, лихорадочный огонёк. Поначалу, очутившись в этом проклятом Призрачном доме в сосновом бору, он рассчитывал на лёгкий триумф. Ведь все вокруг потеряли память, и только он один помнил реальность. Хунсюань верил, что это его золотой шанс сблизиться с Бай Гуаньинем. В собственной неотразимости он не сомневался ни секунды: сколько он себя помнил, вокруг него всегда роились толпы обожателей.

«История с Юй Аньянем — чистой воды нелепая случайность, — убеждал себя Хунсюань. — Тот кувшин должен был достаться мне, а не Нань Цзиню! Этот выскочка просто нагло украл мою судьбу!»

Однако реальность жестоко щёлкнула его по носу. Попад в эти стены, Хунсюань осознал, что к

Бай Гуаньиню ему не подобраться. Потусторонняя сила, заправлявшая в призрачном доме, воссоздала события трёхлетней давности и безжалостно распределила роли. Нань Цзиню досталась завидная участь парня Бай Гуаньиня, тогда как самому Хунсюаню пришлось отыгрывать роль карикатурного злодея-пакостника, которого все презирали.

От обиды и злости перехватывало дыхание. Когда его облили помоями, он бросился за помощью к учителям, но те вели себя точно бездушные манекены в дешёвой игре — лишь твердили заученные фразы о прилежной учёбе и расписании уроков.

Делать было нечего, пришлось идти переодеваться. По пути в общежитие он случайно подслушал шепотки одноклассников о шести зловещих тайнах школы. Легенды о Старшей сестре в красном одеянии и Тринадцати ступенях он пропустил мимо ушей, сочтя их глупыми сказками.

Но вот разговор о Карандашном духе заставил его насторожиться. Стоя у умывальников, один из старшеклассников заговорщицки шептал приятелю:

— Слышал? Наш призыв Карандашного духа — не чета обычным играм. Если дух велит тебе что-то сделать, то ты расшибись, но выполни это условие. Иначе не сносить головы. Даже если призовут влюбиться в кого-то, тот человек без памяти в тебя втюрится.

Второй парень недоверчиво хмыкнул, но всё же поёжился:

— Жуть какая. Прямо как чёрный приворот. Аж мурашки по коже.

Перешучиваясь, они скрылись в дверях своей комнаты.

В обычной жизни Хунсюань лишь посмеялся бы над подобным бредом. Но здесь, в застенках мистической школы, где кошмары оживали наяву, всё было иначе. Что, если дух действительно заставит Бай Гуаньиня ответить ему взаимностью? Да даже если и не его — сойдёт любой другой сильный покровитель, лишь бы насолить Нань Цзиню.

Он прекрасно помнил комментарии в эфире: среди участников этой смертельной игры числились лишь влиятельные преемники древних мистических кланов и богатые наследники. Если ему удастся связать судьбу с кем-то из них, останется лишь окропить кровью Серебряную чашу обратного хода, вытащить этого человека в реальный мир — и финансовый крах семьи Нань будет предотвращён. Влиятельные союзники мигом закроют все долги.

«Я не допущу нашего разорения!»

Хунсюань, изначально планировавший поскорее сбежать из школы, теперь горел желанием принять участие в ритуале. Эта мысль грела ему душу настолько, что колкость Мяо Цзиньли даже не задела его. Кто знает, вдруг именно этому грубияну суждено стать его послушной

марионеткой в любовных узах?

Устроившись на табурете напротив угла со своим именем, Хунсюань в упор посмотрел на Мяо Цзиньли:

— Ну что, все в сборе? Начнём?

От этого липкого взгляда у Мяо Цзиньли по спине побежали мурашки. Поморщившись от брезгливости, он демонстративно отодвинулся подальше на край своего сиденья.

Глядя, как остальные рассаживаются по местам, Нань Цзин тоже поспешил занять свой стул.

Его место оказалось... на редкость неудобным.

Поскольку никто не ожидал прихода Се И, за столом образовалось незанятое безымянное место — как раз по левую руку от Нань Цзиня. Справа же от него, само собой, высилась холодная фигура Бай Гуаньиня.

За крошечным столиком семи рослым подросткам было откровенно тесно. Зажатый между двумя самыми высокими юношами в этой комнате, Нань Цзин изо всех сил поджал под себя ноги, стараясь не соприкасаться коленями ни с одним из соседей.

Бай Гуаньинь вновь скользнул взглядом по съёжившемуся Нань Цзиню. Се И, уловив этот жест, тоже перевёл взор на юношу. Воздух между ними словно наэлектризовался, дышать стало ощутимо тяжелее.

Зажатый в тиски их внимания Нань Цзин безмолвно молился всем богам. Поглубже втянув голову в плечи и, сипло откашлявшись, он тихо проговорил:

— Что ж... давайте приступим. Как именно проходит ритуал?

Уголок губ Бай Гуаньиня презрительно приподнялся. Он окинул взглядом лица, освещённые неровным пламенем свечей. В его фальшивой памяти эти люди числились одноклассниками, но для него они оставались безразличными чужаками. Наконец его взор остановился на расчерченном листе.

— Сначала мы проведём три раунда, отдалённо напоминающих игру в «правду или действие», — неторопливо объяснил он. — Затем все семеро одновременно возьмутся за карандаш, и мы зададим первый вопрос: «Карандашный дух, кого из нас ты выбираешь?»

В этот миг по запертой комнате пронёсся ледяной сквозняк. Все невольно вздрогнули. Нань Цзин зябко потёр открытые бёдра — короткая спортивная форма совсем не защищала от

внезапно нахлынувшего потустороннего холода.

Мяо Цзиньли, уже полностью захваченный мрачной атмосферой ритуала, подался вперёд:

— И что потом? Дух сам будет двигать карандаш, указывая на избранного?

— Именно, — Бай Гуаньинь взял со стола длинный карандаш и продемонстрировал его собравшимся. — Невидимая сила заставит грифель обвести имя одного из нас. Как только жертва определится, мы спросим: «Дух, чего ты желаешь от него?» Карандаш укажет на одну из клеток с заданием на листе. Избранный обязан беспрекословно исполнить волю призванного существа. И лишь после этого он получит право задать духу собственный вопрос.

Нань Цзин нахмурился от непонимания:

— Но почему раундов именно три? То есть спросить духа смогут только трое?

— Можно и больше, если тебе надоело жить, — губы Бай Гуаньиня дрогнули в холодной, пугающей улыбке. Он повернулся и пристально посмотрел на Нань Цзиня.

Контраст фарфоровой кожи и иссиня-чёрных волос Нань Цзиня в полумраке казался особенно ярким. Под грозным, хищным взглядом Бай Гуаньиня юноша испуганно облизал пересохшие губы — влажный алый след блеснул в свете свечей. Он был чертовски красив, и это признавали все присутствующие.

— Тогда лучше ограничимся тремя, — поспешно заговорил Нань Цзин. — Всё-таки с потусторонним шутки плохи.

Он не считал себя трусом и не совершал ничего предосудительного, но в этой таинственной полутьме его не покидало гнетущее чувство вины.

— Давайте уже начнём, — нетерпеливо перебил Мяо Цзиньли и первым протянул руку, обхватив пальцами карандаш.

Один за другим остальные шестеро присоединились, их пальцы бережно и крепко сомкнулись на длинном древке.

— Карандашный дух, — первым заговорил Бай Гуаньинь. Его чистый, звонкий голос в полумраке комнаты прозвучал потусторонним, леденящим душу эхом.

Остальные хором подхватили, и Нань Цзин едва слышно прошептал вместе со всеми:

— Карандашный дух, приди... Кого из нас ты выберешь для своей игры?

Семь свечей горели ровным мистическим пламенем, оплывая горячим воском. Очередной порыв ледяного ветра ворвался в душную комнату, заставив взметнуться подол куртки Нань Цзиня. Семь пар глаз не мигая уставились на зажатый в руках карандаш. На чьих-то лицах читалось безумное предвкушение, кто-то замер в священном трепете, а кто-то сохранял абсолютное, непроницаемое хладнокровие.

И вдруг карандаш едва заметно вздрогнул и медленно, с трудом сдвинулся с места.

Почти все участники ритуала испуганно затаили дыхание. Лишь на лицах Бай Гуаньиня и Се И не отразилось ни тени удивления.

Нань Хунсюань не сдержался и восторженно выдохнул:

— Он здесь! Дух явился!

«Выбери меня! Пожалуйста, выбери меня! — лихорадочно молил про себя Хунсюань. — Большинство этих нелепых школьных заданий связаны с любовными признаниями. Для малолеток это предел мечтаний, а для меня — идеальный шанс! Пусть дух велит мне закрутить роман с кем-нибудь из этой элиты...»

Кончик грифеля плавно пополз в сторону Нань Хунсюаня. На его лице уже начала расплываться торжествующая улыбка, как вдруг...

Карандаш резко, со сверхъестественной силой рванулся вбок. Вся компания от неожиданности качнулась вслед за ним.

У Нань Цзиня оборвалось сердце. Он в ужасе смотрел, как острие замерло прямо напротив его груди, а затем непреклонно опустилось на бумагу. Как бы крепко он ни сжимал пальцы, сопротивляться чужой воле было невозможно: карандаш скользнул по семиугольнику и аккуратно обвёл его имя жирным кругом.

<http://bllate.org/book/19041/1985552>